ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. В. Аксёнова

Особенности социально-культурного развития удаленных российских локальностей

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aksenova_osobennosti.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

Аксенова О.В.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ УДАЛЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Цель представленного в данной работе анализа заключалась в том, чтобы определить специфику и тенденции развития социально-культурной сферы местных сообществ, расположение которых существенно снижает возможности использования их жителями социально-экономических и культурных ресурсов федерального и региональных центров. Для этого необходимо было выяснить, что происходит с акторами, вовлеченными в социально-культурную деятельность, как трансформируются ее институты (институты определяются согласно неоинституциональной теории, как нормы и правила, регулирующие социальные взаимодействия) [1], и как изменяются культурные традиции, нормы и ценности удаленных сообществ в современных условиях.

Анализ основан на результатах исследований, проводившихся в Томской области (Верхнекетский, Колпашевский, Парабельский районы) и Республике Алтай (Кошагачинский район) в 2007-2009 гг., использованы также данные, полученные в ходе многолетней работы по изучению российской провинции, осуществлявшейся Сектором социокультурного развития регионов России с 1995 года. Временные и географические рамки исследований позволили сопоставить материалы, полученные в Европейской России (г. Новозыбков Брянской области, г. Пестово Новгородской области, Кирилловский район Вологодской области, поселок Рустай Нижегородской области, лесорубные поселки Мурманской области и Республики Карелия и др.), на Урале (г. Чернушка Пермской области) и в Восточной Сибири (поселок Советская Речка Красноярского края, деревня Кюськимда Читинской области, г. Усть-Илимск Иркутской области), а также сравнить современные процессы с докризисными. Исследование проводилось преимущественно качественными методами (глубинные и полуструктурированные интервью, анализ документов и публикаций в местной и региональной прессе и Интернет). Такой выбор обусловлен в первую очередь предметом анализа (социально-культурными процессами), практически не поддающимся формализации в силу своей сложности и высокой степени неопределенности, и ограниченным количеством участвующих в местном социально-культурным развитии субъектов. Интервью и

фокус-группы в ряде случаев были дополнены анкетированием местных жителей, анализом публикаций в федеральных, региональных и районных СМИ и в Интернет.

1. УДАЛЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Существование городов и поселков, отдаленных на значительные расстояния от экономических и культурных центров, неизбежно в стране с большой территорий и невысокой плотностью населения. Однако отдаленность не является чисто географическим понятием и определяется не только дистанцией, но и рядом других факторов, иногда весьма специфических (например, расположение поселка в особо охраняемой зоне заповедника). Однако, есть ряд общих социально-экономических условий, углубляющих проблемы, связанные с отдаленным расположением сообществ.

Транспортная доступность. Инфраструктура СССР, которая даже в советское время не считалась высокоразвитой, тем не менее, связывала практически все дальние точки регулярным транспортом (автобусным, авиационным, речным и т.п.). Так, из поселка Кошагач до г. Горноалтайск можно было добраться автобусом и самолетом, в высокогорных деревнях действовали аэропорты. В настоящее время советская транспортная сеть практически разрушена. Авиационное и речное сообщение нерентабельны, транспортные вертолеты по карману лишь крупным компаниям, муниципальные автобусы удалось сохранить далеко не везде.

В иных случаях в позиции труднодоступных попадают населенные пункты, еще недавно таковыми не являвшиеся. Так, поселок Нарым Парабельского района Томской области, в котором со времен СССР действовал музей политической ссылки, занимал не менее центральную позицию, чем административный центр района Парабель, поскольку через него проходили всесоюзные туристические маршруты. В селе был аэропорт, осуществлялись ежедневные рейсы до райцентра (семь минут) и до Томска (два часа). Теперь жителям села сложно добраться до Парабели, расположенной по местным меркам совсем недалеко, поскольку дороги нет, остается лишь водный путь летом, а зимой – «зимник», проложенная по снегу зимняя трасса. Путь от райцентра до Томска на автобусе занимает восемь часов зимой, летом значительно дольше, поскольку дорога разбита.

Представитель администрации Верхнекетского района Томской области описывает сложившуюся в районе ситуацию следующим образом: *«Район достаточно большой: восемнадцать тысяч населения, при этом*

площадь огромная, отдаленность 240-250 километров. Главная проблема в этих условиях – бездорожье, до Котайги летом дольше, чем до Томска добираться. До нее на одном только пароме пять часов плыть, а паром два раза в неделю ходит. Это не Томский район, где поселок от поселка в шаговой доступности. Такая оторванность – большая проблема и для культуры, да и для всех связей. Объехать район за день просто не реально. Есть деревня Лисица, до которой дорога зимой полтора часа, а летом тоже через речку – катера не каждый день ходят, поселки Центральный, Дружный, Котайга – сто километров бездорожья, то есть больше двадцати километров в час не поедешь». Таким образом, район, который сам по себе является удаленным от столицы региона, теперь объединяет ряд труднодоступных поселков и деревень. Управление в этих условиях становится сложной задачей. То же самое происходит и в Европейской части России, которая гораздо плотнее населена и имеет более развитую транспортную сеть. В число удаленных локальностей попадает сегодня, например, город Новозыбков Брянской области, уже в советский период конкурировавший по уровню развития с Брянском, город Судогда Владимирской области, город Пестово Тверской области и многие другие.

Уровень доходов местных жителей. Следующим фактором, повышающим изолированность местных сообществ, является экономическая ситуация, точнее, доходы большей части их жителей, которые не позволяют воспользоваться транспортом даже в тех случаях, если он есть. Так, средний доход жителя села Кошагач в 2007 году составлял 1500 рублей, а проезд на такси (единственный вид транспорта) до Горноалтайска стоил 2500 рублей в один конец. Такая же ситуация сложилась и других областях. Например, поездка в Новгород Великий или в Вологду не всегда по карману жителями отдаленных от этих столиц поселений. Экономический рост не принес особых изменений. Единственным достижением в мобильности граждан, по словам томских респондентов, стало то, что часть населения области смогла выезжать в отпуск за ее пределы. В 1990-е годы и в начале нового столетия общей для отдаленных районов была установка большинства семей на то, чтобы дети уезжали в большой город, в столицу региона или в Москву. Она проявлялась во всех опросах, проводившихся в ходе исследований. Однако, начиная с 2007 года, данная установка встречается реже, респонденты объясняют это уменьшением количества рабочих мест. Молодежь, отслуживавшая по контракту в армии или закончившая университет, начала возвращаться домой, потому что не смогла устроиться в центральных городах. Очевидно, что кризис лишь усиливает этот процесс.

Изоляция от экономических потоков. Наличие в некоторых районах крупных компаний ничего не меняет в их состоянии удаленности. Классический «company-town» в настоящее время большая редкость. Компания больше не выполняет градообразующих функций, как было в СССР, и не заинтересована в контроле над местным сообществом, как в период, предшествовавший современной глобализации. Точнее, она заинтересована в нем в той мере, в которой сообщество может предоставить ей необходимые ресурсы. Так, Лукойл участвовал в социальном развитии Чернушинского района (Пермская область), когда у предприятий компании была потребность в квалифицированной рабочей силе в связи с расширением производства (предоставлялись гранты учителям, проводились различные конкурсы в школах и пр.). Стабилизация добычи нефти привела к одновременному свертыванию программ социальной поддержки. Об отсутствии какой-либо стратегии взаимодействия с местными сообществами представители нефтедобывающих компаний заявляют открыто: *«Никакой местной политики у нас нет, никто нам ничего не предлагал, мы ни с кем не пересекаемся. Офис компании у нас в Томске, а вахотовики работают в дебрях»; «С местными сообществами мы не пересекаемся. Мы им не мешаем, они нам не мешают. Из Каргаска мы только на вертолетах вылетаем на вахту, других связей нет»*. Не взаимодействует с местными сообществами и Газпром, который планирует строить газопровод в Китай через горный Алтай. Местная политика, как и в случае с Лукойлом, не выходит за рамки подготовки квалифицированных кадров, при этом количество рабочих мест в данном случае незначительно. В результате компании включают в федеральные (и в глобальные) сети географическую точку, территорию, но не локальный социум, который, в полном соответствии с концепцией глобальных сетей и потоков М. Кастельса, не имеет для последних никакого значения[1].

Управленческая «автономия». Растущая обособленность местных сообществ – во многом результат способа управления в России, в которой полная его централизация не была возможной даже во времена СССР. Большая территория, растянутые транспортные коммуникации и разнообразие условий (природных, экономических, культурных, этнических и пр.) не позволяют стандартизировать полностью принятие решений и сконцентрировать их в центре. Однако передача полномочий на местный уровень без их финансового обеспечения[2] и одновременная централиза-

---

[1] Castels M. The Rise of the Network Society. – L.: Sage Publication Press, 1996.

[2] См, например, Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации: новеллы законодательного обеспечения // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 18 (211).

ция основных налогов фактически вывели муниципалитеты за пределы системы управления. Именно так и воспринимают собственную позицию в «вертикали власти» представители местной администрации: *«По всем законам и постановлениям, я вижу, что меня нет»*.

Отсутствие информации о местных сообществах в СМИ. Наконец, тотальный дефицит информации в федеральных СМИ о происходящем на местном (да и на региональном) уровне еще более отдаляет провинцию от жителей больших городов, точнее, придает удаленности дополнительное измерение. Подавляющее большинство публикуемых материалов о российских локальностях посвящено разного рода девиациям, коррупции местной администрации и невыполнении переданных ей полномочий или катастрофам. Развитие в последние годы Интернет и появление у многих муниципальных образований, а иногда и деревень, собственных сайтов ситуации не изменили. Эта информация оказалась не менее локальна, чем географическое положение местных сообществ: сайты посещаются большей частью бывшими земляками. Для того чтобы найти их, нужно знать хотя бы название райцентра, а для того чтобы начать поиск – знать, что на местном уровне происходит что-либо, кроме социальной деградации. В данном исследовании анализ федеральных СМИ оказался практически бесполезным – удалось лишь зафиксировать сам факт незначительного числа сообщений о социально-культурных процессах в российских регионах в целом. Отсутствие информации делает местный уровень в целом белым пятном на карте. Само наличие в них каких-либо культурных процессов для находящегося в федеральном центре наблюдателя перестает быть очевидным, требует специального исследования и подтверждения.

Подводя итог, можно утверждать, что удаленные локальности в настоящее время не являются экзотическим, исключительным объектом и включают в себя большую часть страны, за вычетом мегаполисов и ряда региональных центров с зонами маятниковой миграции вокруг них. Удаленность в современной России означает экономическую, социальную и культурную обособленность (в иных случаях граничащую с изоляцией) и управленческую автономию, при полном отсутствии ресурсов для ее реализации.

2. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬУТРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: СПЕЦИФИКА И ОБЩНОСТЬ

Между административными единицами (муниципальными образованиями, районами и пр.) существуют едва ли не большие различия, чем между субъектами федерации. Практически все локальности, в которых прово-

дились исследования, уникальны по своему социально-экономическому, культурному, а часто и этническому контексту, в каждом их них сложились собственные механизмы экономического выживания и поддержания социальной стабильности. Одним из наиболее ярких примеров местной уникальности является Кошагачинский район (Республика Алтай), расположенный на стыке границ Казахстана, Монголии и Китая. Его хозяйство основано на древнем пастбищно-выгонном скотоводстве и частично на приграничной торговле, а его социальная организация представляет собой сложнейшее сплетение племенных традиций коренных жителей района – теленгитов, трансформировавшихся в определенной степени во времена СССР, кланового устройства казахской диаспоры и зарождающихся рыночных отношений. Хронический конфликт между казахами и теленгитами по поводу крайне ограниченных ресурсов не перерастает в открытое столкновение благодаря наличию веками сложившихся форм и способов поддержания равновесия. Кроме того, помощь родственников позволяет выживать беднейшим членам кланов. Тем не менее, в районе существуют устойчивые социальные практики, объединяющие его с остальными российскими локальностями, а именно – сформировавшиеся большей частью в советское время механизмы солидарной поддержки и самоорганизации сообщества, пересекающие клановые, племенные и этнические границы. Именно они дают возможность решать, казалось бы, неразрешимые при дефиците ресурсов проблемы, например, собирать деньги на лечение детей в городе и за пределами области вне зависимости от их этнической или родовой принадлежности.

В ходе исследования удалось выделить также целый ряд характеристик социально-культурной сферы разнообразных местных сообществ, позволяющих говорить о наличии общих для всех локальностей тенденций ее развития.

Стратегия «культурного центра». В конце 1990-х годов один из респондентов в г. Новозыбкове сформулировал свое отношение к развитию культуры в районе: *«Мы так далеко находимся от культурных центров, что должны сами стать центром»*. Опыт последующих исследований показал, что данная позиция остается общей и неизменной (не зависящей от политической ситуации в стране, от экономического роста или кризиса, от уровня жизни в районе и т.п.) для большинства локальностей. Она озвучивается различными акторами почти что одними и теми же словами. Следует, однако, подчеркнуть, что речь идет о развитии культуры в ситуации острейшего дефицита ресурсов, которые могли бы его обеспечить.

В сложившихся условиях отсутствие доступа к региональным и федеральным культурным центрам воспринимается как факт, который

невозможно изменить. Сообщества ориентированы на производство и воспроизводство «местной культуры» собственными силами. Во всех локальностях (включая сохранивший средневековые устои Кошагач) действуют объединения поэтов, художников, писателей, театральные и музыкальные коллективы, народные ремесла и пр. Сохранилась (полностью или хотя бы частично) и инфраструктура, обеспечивающая культурную жизнь сообществ еще с советских времен – дома культуры и клубы, краеведческие музеи, библиотеки, дома детского творчества (в крайнем случае, кружки), функционируют школы искусств. Развитие культуры в некоторых из рассматриваемых нами случаев есть общий результат активности разнообразных субъектов, иногда действующих почти независимо друг от друга, а в иных случаях объединяющих усилия. Лидерами, инициирующими кооперацию в культурной сфере могут быть местные творческие союзы, библиотеки, районные дома культуры, в ряде случаев – неправительственные организации, например, коренных малочисленных народов и пр. В некоторых районах культурное развитие планируется и координируется местной властью. Превращение райцентра в центр культурной жизни является продуманной стратегией администрации ряда районов Томской области. Зависимости такой активности местной власти от экономической ситуации в районе не выявлено, она имеет место как в экономически благополучных, так и в дотационных районах. Осуществление стратегии «культурного центра» складывается из решения нескольких основных задач. В первую очередь было необходимо сохранить сеть организаций, обеспечивающих культурную жизнь в селах и деревнях, посредством достаточно сложных управленческих действий и мобилизации ресурсов района: *«В 2006 году, когда был принят пресловутый сто тридцать первый закон по передачи всех полномочий по культуре сельским поселениям, наша администрация поступила грамотно и мудро: не стала передавать полномочия по культуре поселениям, а наоборот, их полномочия передали в район. Для этого создали муниципальное учреждение «Культура», которое объединяет два структурных подразделения: централизовано библиотечную и клубную систему. Это клуб и библиотеки района (их тринадцать), мы сохранили абсолютно все клубы и все библиотеки в селах и поселках района. Понятно, что иногда это один человек, полставки в клубе и в библиотеке, но, тем не менее, есть люди, которые обеспечивают досуг, что очень правильно и грамотно в силу удаленности нашего района. Есть место, куда можно прийти, мероприятие посетить, книгу взять почитать и т.д.»*.

Следующей задачей было обеспечение нормального функционирования этой инфраструктуры. Разрабатываются и осуществляются различные программы, выставки местных художников и фотографов, конкурсы,

семинары и т.п., стимулирующие творческую активность, в том числе и в труднодоступных районах: *«Благодаря тому, что мы остались центром, у нас есть программа культурного развития «Соцветие», которую мы приняли на своем семинаре клубно-билиботечных работников, по ней работаем. Проводим конкурсы районные, куда вывозим, несмотря на отдаленность, самодеятельность всего района. У нас семь разных конкурсов ежегодно проходят: народная культура, патриотическая («Муза, опаленная войной»), эстрадный вокал, гитара – все очень разнопланово. Очень удобно, что библиотеки в централизованной системе. Если где каких книг не хватает, то происходит обмен внутри района»*. В некоторых городах организуются вечера отдыха для различных социальных групп: пенсионеров, людей среднего возраста, молодежи.

Кроме того, предпринимаются попытки восстановить культурные связи с региональным центром: строятся картинные галереи, используются малейшие возможности пригласить художников или театральные коллективы из региональных столиц. Во всех локальностях проводятся различные фестивали и праздники, некоторые из них становятся межрайонными, на иные приезжают гости из других регионов. В Парабельском районе функционирует летний лагерь, в который художники из соседних с Томской областью регионов приезжают на плэнэр. Таким образом, создается культурная среда, одинаково необходимая для творческого процесса и для обеспечения потребностей населения.

Стратегия создания культурного центра построена на ориентации создателей и потребителей культуры на местную жизнь и ее художественную интерпретацию. Все респонденты отмечают, что интерес жителей районов к местным субъектам культуры часто бывает выше, чем к столичным: *«Народ уговаривали, звонили, чтобы пришли на гастроли областного камерного театра. Дело в том, что у нас был совой театр, и его премьеры проходили с аншлагом, но режиссер умер в 2007 году. Театр был мощнейший, побеждали в областных конкурсах, на его спектакли люди ходили, на другие – приходится уговаривать»*.

Тенденция к такой локализации культуры выявлена практически во всех изученных местных сообществах. Важное место в культурной жизни районов занимает краеведение и сбор материалов по местной истории: *«Мы много своего публикуем, говорят, что районы помешаны на этом. Мы делаем свои книги, чтобы народ мог читать, газеты, сборники ежегодные. Издали книжку «Поставим памятник солдатке» – воспоминания вдов Великой отечественной войны, обращение в начале книги главы района. Брошюра к 30-летию железной дороги. Ребенок, читая, приобщается к своей Верхнекетской истории. Я считаю, что это очень правильно и мудро»*. Сообщества формируют собственное отношение

к историческим событиям и к отдельным историческим личностям, в зависимости от их вклада в местное развитие. *«Здесь в ссылке был один из лидеров партии эсэров, Дмитрий Донской. Жил здесь в 20-30 годы. Говорили, что он участвовал в покушении на Ленина, потом говорили, что он отрекся от своей партии. Но он много сделал для Парабели, для нашей медицины. В районе ему поставили памятник»*.

Об интересе к местной жизни свидетельствуют предпринимающиеся во всех районах попытки развития местных СМИ и местной издательской деятельности. Газеты появляются в труднодоступных деревнях: *«Есть в Лисице – «Лисичка», на компьютере выпускается (библиотека и Совет ветеранов ее делают). В Ягодном детская газета «Канареечки» не раз выходила победителем областных конкурсов, они пишут обо всех событиях в поселке. В Степановке в школе есть свое телевидение, есть газета «Факел», они в Петербурге на конкурсе побеждали»*. Наши опросы выявили высокую потребность населения даже самых удаленных поселков в собственной, локальной прессе. Газеты, которые в некоторых случаях издают школы, популярны и читаются всеми жителями села или деревни, независимо от возраста (как, например, это происходит в поселке Рустай Нижегородской области).

Особо важную роль играют краеведческие музеи. Необходимо отметить, что музеи могут иметь региональное подчинение (статус филиала регионального краеведческого музея) или районное (муниципальное). В первом случае музей включен в управленческую вертикаль, но на практике выясняется, что эта включенность лишь формальна, поскольку не предоставляет дополнительных ресурсов. Однако в том случае, если местная власть готова экономить на учреждениях культуры, статус филиала сам по себе становится ресурсом, не позволяя закрыть музей. Вне зависимости от подчинения, музеи являются субъектами местной культурной жизни. При отсутствии социокультурной стратегии властей, часто именно музеи и дома культуры начинают осуществлять собственную стратегию «культурного центра». Иногда активность работников музеев и домов культуры опирается на требования населения: *«Город небольшой, но жители очень всем интересуются. Если вдруг выставки нет, то постоянные звонки, спрашивают, когда будет очередная выставка. В ДК постоянно люди ходят, какие бы не были мероприятия, концерты, спектакли. Возможно, это потому, что город в перспективе должен был быть крупнее намного. Тут было много предприятий, учреждений и много интеллигенции, грамотных людей, и дефицит недоступность путешествий, сложность поехать на тот же спектакль лишь подпитывает интерес. Постоянно хочется людям что-то интересное показать. За прошлый год в музее прошло 28 тысяч посетителей»*. В некоторых

сообществах с высоким уровнем депривации (приближающаяся к ста процентам безработица и связанные с ней проблемы суицида и алкоголизма) эти акторы пытаются стать своего рода центром выживания: собирают в кружки детей, создают возможности хотя бы минимальных заработков для народных умельцев, занимаются сбором и публикацией рассказов односельчан, их биографий и родословных, местного фольклора, изданием собственных газет и пр. По словам респондентов, эта деятельность придает значимость локальной культуре и дает возможность людям восстановить уважение к самим себе.

Обучение и воспитание детей. Едва ли не главной составляющей функционирования социально-культурной сферы во всех локальностях была и остается работа с детьми, в которую вовлечены практически все субъекты социально-культурной и образовательной сфер. В районах создается множество кружков, творческих детских коллективов, студий, музыкальных групп. С детьми занимаются школьные учителя, работники дворцов и домов культуры, домов детского творчества, библиотек, музеев, члены различных неправительственных организаций. Так, например, ассоциации коренных малочисленных народов Севера создают детские фольклорные группы и кружки традиционных народных промыслов.

В районах сохранились и продолжают действовать школы искусств (бывшие музыкальные школы), в некоторых из них, помимо обязательных занятий для детей школьного возраста, проводится за небольшую плату обучение дошкольников музыке, танцам, пению, живописи.

Организуются конкурсы детского творчества в районах, детские группы участвуют в региональных конкурсах: *«У нас очень мощный детский коллектив «Игровой клуб» – там сочетаются вокал, игра, театр. Они заняли в областных конкурсах два призовых места. Возим детские выставки, порядка одиннадцати выставок (декоративное прикладное творчество: береста, дерево, бисер, вышивка и др.) было в рамках детского конкурса. В этом году три игрушки с нашего района ушли на Кремлевскую елку»*.

Особую роль в социально-культурном развитии сообществ играют школы. Сильные школы сохраняются не только в районных центрах, но иногда и в труднодоступных, отдаленных деревнях, где школа может оказаться единственным центром культуры. Их связь с общероссийской системой образования, разумеется, сохраняется, однако, как и большинство местных подразделений федеральных и региональных структур, школы являются местными акторами. В условиях современной удаленности они в значительной степени самостоятельны, что и позволяет некоторым из них сохранять высокий уровень преподавания, который подтверждается победами учеников из удаленных деревень на олимпиадах, их поступле-

нием в региональные и столичные университеты. Школы также играют большую роль в развитии местной культуры. Это не означает, что такая школа имеется в каждом селе: «Есть места, где у людей и глаза потухли, и руки опустились». С нашей точки зрения, такая вариабельность в комбинациях субъектов социально-культурного развития непосредственно связана с внутренним механизмом, обеспечивающим устойчивость культурного развития локальностей и его относительную независимость от экономической ситуации.

Не выявлено никакой закономерности в том, кто из акторов занимает в культурном развитии лидирующие позиции – дом культуры, музей, местная власть или неправительственная организация.

3. АКТОРЫ И ИХ ЦЕННОСТИ

Описанные выше процессы культурного развития в удаленных сообществах являются «акторскими», то есть осуществляются и направляются действующими субъектами, зависят от их активности, установок и ценностей. Эти процессы очень слабо связаны с действием должностных инструкций, предписаний и прочих формальных институтов, и в очень малой степени зависят от наличия на местном уровне ресурсов. В 1990-е годы в среди наших респондентов в Новгородской области были учителя, которые продолжали не только работать, но и вести детские кружки после занятий, не получая зарплаты годами. Современные работники культуры сибирских регионов работают за мизерную, даже по сравнению с образовательными учреждениями, заработную плату: *«Когда я пришла в культуру из школы и увидела, что зарплаты пять с половиной тысяч с нашими северными, а люди проводят мероприятия, улыбаются зрителю и радуются. Пятьдесят процентов не имеют семей, потому что их «половины» не выдерживают. Я поэтому заряжаюсь от них энергией, люблю своих работников. Работницы в основном, но есть и работники, их немного, но они есть»*.

Ценности, которые мотивируют людей действовать именно таким образом, занимать неоднократно сформулированную респондентами позицию «если не я, то кто же», формировались на протяжении сложной истории местных сообществ, многие из них (ценности хорошего образования, высокого профессионализма, собственного дела, межнационального согласия и т.п.) – в ее советский период. По крайней мере, они осознаются именно как советские: *«Наш город настолько многонационален, что мы даже вопроса не задаем, кто он – татарин или еще кто-то. Такое осталось с Советского Союза, что все братья, мы и не*

разделяем людей». К настоящему времени эти установки и ценности стали традиционными. Они сохранились и воспроизводятся, возможно, в большей степени, чем в интегрированных в глобальные потоки населенных пунктах, поскольку позволяют сообществам не просто выживать, но поддерживать относительно высокий уровень культурной жизни и даже внедрять инновации, если они не противоречат указанным ценностям[3]. Однако наличие и воспроизводство этих ценностей не означают, что их разделяют и им следуют все жители района и все руководители структур, ответственных за образование и культуру. Для их сохранения и развития достаточно того, что есть те, кто является их носителем. А таких бывает не так уж мало: *«До Котайги пока доберешься, в депрессию впадешь, потом выбраться надо, но народ там готов жить, готов работать, готов чего-то искать»*.

Несколько иная ситуация с властью района. Как было сказано, районная администрация не всегда играет активную роль в социально-культурном развитии, но в большинстве случаев она вынуждена так или иначе этим заниматься. Администрация не может работать в районе вахтовым методом, она в нем живет постоянно. Она точно так же, как все остальные жители района изолирована, обособлена и оторвана от культурной жизни центров, а, следовательно, вынуждена ее поддерживать. Респонденты из числа представителей власти неоднократно формулировали зависимость культурного развития своих регионов от действующего субъекта следующим образом: *«Если есть человек, готовый что-то делать, я буду искать для него средства разными путями, если такого человека нет – то все бесполезно, даже начинать не стоит»; «Он художник, учит детей, огромный энтузиаст своего дела. Он, конечно, при поддержке администрации все делает, но самое ведь главное, чтобы был человек, который все двигает, который обегает эти кабинеты. Молодец, такой застенчивый, но такой влюбленный в свое дело»*. Таким образом, речь идет даже не о лидере, каковым очевидно не является «застенчивый человек», но о человеке, установки и ценности которого заставляют его быть активным.

В числе поддерживающих культурное развитие акторов иногда оказывается и малый бизнес, спонсирующий строительство галерей, развитие народных ремесел и пр.

Обособленность местных сообществ от глобальных потоков, экономических сетей и системы управления определяет характер действий местных акторов. Во-первых, федеральный и региональный центры и их институты воспринимаются как источник ресурсов: *«Если придет*

---

[3] О соотношении традиций и инноваций в местных сообществах см.: [2].

программа областная или федеральная, то мы эти программы цепляем: копейка наша, остальные деньги области или федерального бюджета. Сидим днями и ночами, чтобы попасть в эти программы. Разбрасываем все: на здравоохранение, на культуру». Таким же источником являются и игнорирующие местную жизнь добывающие корпорации. В отличие от их офисов, расположенных в федеральной и региональных столицах, местные подразделения не могут не считаться с локальной жизнью, поскольку они сами, их семьи и их дети являются жителями сообщества. Неформальные связи, опора на региональные и федеральные институты, обязывающие компании участвовать в социально-экономическом развитии сообществ и пр., позволяют местной администрации получать поддержку и от корпораций.

Необходимо также отметить, что местные акторы сами институционализируют социально-культурную сферу, создавая устойчивые социальные практики (конкурсы, вечера, фестивали и пр.), заключая договоры, принимая местные указы, постановления и т.п. При этом о традиционности установок, ценностей, представлений об образовании и культуре свидетельствует и противостояние действующих субъектов тем институциональным трансформациям, которые, с их точки зрения, являются разрушительными. Так, директор одной из школ сумел сохранить в школьной программе астрономию, исключенную из нее на федеральном уровне. При этом советская образовательная традиция не воспроизводится формально и в полной мере, инновацией в данной школе является концепция свободного выбора учениками нескольких предметов, по которым с ними проводятся бесплатно углубленные занятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время, в силу экономических и политических причин в числе удаленных локальностей оказалась едва ли не большая часть страны. Процесс их исключения из основных экономических потоков и системы управления не связан с современным кризисом, он начался после распада СССР, а в годы экономического процветания начала нового столетия оформился институционально принятием закона о передаче полномочий муниципалитетам. Сохранившиеся вертикальные связи и действующие институты управления активизируются большей частью снизу, самими сообществами, остро нуждающимися в ресурсах и рассматривающими федеральный и региональный центры в качестве источников этих ресурсов. Причин углубляющейся «удаленности» можно найти множествыо, но в целом сложившаяся ситуация вполне объяснима указанной выше

концепцией глобальных потоков, согласно которой, расположенные вне «потоков», «сетей» и их «узлов» сообщества не имеют политического, экономического и культурного значения. В связи с потерей значимости локальности, закономерно и практически полное исчезновение отдаленных районов из федеральных СМИ, и складывающаяся из редких публикаций интерпретация местной жизни как тотального пьянства, коррупции властей и распада социальных связей[4]. Подтверждают безразличие «потока» к локальности и интервью с представителями крупных корпораций, которые говорят о том, что не пересекаются с местными сообществами, ничего не знают о местной жизни и полагают, что о ней вообще никто не знает: *«Кто их видел, коренных? В городе никто. Спроси у молодого, кто такой селькуп, и он не скажет»* (из интервью с представителем нефтедобывающей компании).

Однако российская провинция в этих условиях в большинстве своем не превращается в глобальное гетто, выживающее за счет криминала, деградирующее и спивающиеся. Социально-культурная сфера местных сообществ не только сохраняется, но и развивается, в некоторых локальностях – активно и успешно, позволяя избежать серьезных социальных проблем: *«Я бы не сказала, что это сильная беда. Я даже по своим конкурсам смотрю – у нас не менее ста участников каждый раз из наших семи районов. Люди заняты, коль они едут сюда. Они поют, танцуют, читают, играют, шьют, что-то еще делают. Это значит, они заняты, у них есть интересы помимо дома, они не пьют. Люди находят себе нишу. Культуру сохранили, значит, кто-то идет в культуру, спорт сумели сохранить, спортинструкторов ввели, люди идут в спорт. В каждом поселке у нас есть спортивные секции, спортинструктуры»*. Более того, социально-культурные субъекты формулируют отнюдь не оборонительную позицию сохранения культуры, но вполне наступательную стратегию превращения города или района в культурный центр. Главной (и общей для всех исследованных нами локальностей) тенденцией социально-культурного развития является ориентация на местные традиции и историю, утверждение их значимости.

Можно констатировать, что происходит своего рода локализация социально-культурных процессов, которая является естественной реакцией на фактическое отторжение, в том числе и культурное, федеральным, а часто и региональными центрами, отдаленных от них районов. Сохранение и развитие социально-культурной сферы полностью определяется не институтами, но акторами и их ценностями. Власть может из-

[4] Интерпретация сообществ, находящихся за пределами глобальных потоков, как чужих и опасных рассматривается в кн.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Коробочкина М.Л. – Москва: Весь Мир, 2004.

менить правила и по каким-либо причинам остановить деятельность той или иной структуры (как это уже происходило неоднократно в истории страны), однако это не приводит к исчезновению действующего субъекта как такового. Так, в городе Пестово экологические активисты были вынуждены под давлением институциональных изменений закрыть неправительственную организацию, но работы не прекратили, несколько изменив ее направление. Исследование показало, что во многих случаях именно районный центр становится местным культурным центром, поддерживающим труднодоступные населенные пункты. Однако в некоторых случаях, точки развития возникали независимо от районного центра в удаленных деревнях, в общинах коренных малочисленных народов и т.п.

Обнаруженный в ходе исследования процесс локализации культуры неоднозначен, одной из его составляющих является развитие разрозненными локальностями объединяющей их культурной традиции, которая опирается на общие ценности и установки, общее понимание культуры и образования. Данный анализ позволяет предположить, что эти явления обусловлены самим характером исторического развития страны, которое происходило путем освоения удаленных территорий. Слабые связи с центром – транспортно-коммуникационные и институциональные – для местных сообществ есть историческая данность. Их усиление или дальнейшее ослабление, равно как и экономические колебания, могут усилить или ослабить социально-культурное развитие сообществ, но не приводят к его радикальным изменениям. Таким образом, сформировалась традиция, которая обладает высоким потенциалом устойчивости и самосохранения. Ее воспроизводство одновременно воспроизводит и действующего субъекта, усвоившего ее установки и ценности, на основании которых он сохраняет и развивает культуру, вне зависимости от институциональных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; Предисловие и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

2. *Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: ИС РАН, 2007.